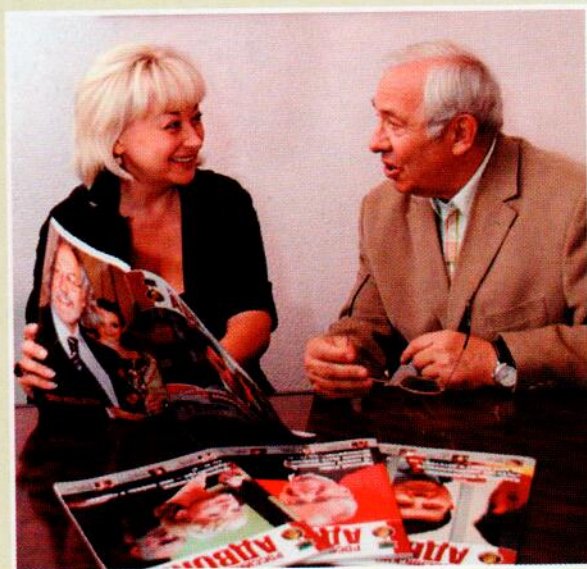

ТАК ДРУЖИТЬ МОГ ТОЛЬКО ОН

С Роменом Ароновичем мы были знакомы давно, но особенно подружились за последние несколько лет. Для меня он был родным и близким, преданным другом, строгим критиком, заботливым родителем – всем... Он был непревзойденным рассказчиком и одновременно жадным слушателем, удивительно щедрым на эмоции. Остро реагировал на чужую боль, любую несправедливость. Он умел дружить, отдавая всего себя, не жалея ни сил, ни нервов, ни здоровья, при этом ничего не требуя взамен.

Ромен Аронович умел быть бесконечно благодарным за любую, даже самую незначительную помощь. Помню, как в одном из номеров «Российского адвоката» был опубликован его материал, рассказывающий о судебном процессе по делу Дмитрия Барановского. В тексте была высказана резкая и вполне обоснованная критика в адрес одного из высокопоставленных подмосковных чиновников, что неожиданно вызвало живой интерес у правоохранительных органов. Ромену Ароновичу несколько раз звонил руководитель следственного отдела г. Одинцово с требованием срочно явиться и дать объяснения по изложенным в статье фактам. В разговоре по телефону тот начальник был чрезвычайно груб и все время угрожал приводом. Однако при произнесении слова «привод» он безграмотно делал ударение на первом слоге, что вызвало у Ромена Ароновича искренний смех. «Надо же, а я думал, что приводы бывают в авиации», – отшучивался он в ответ, чем еще больше заводил правоохранителя. Так он однажды стал моим «клиентом». «Допрос», на который мы прибыли вместе, завершился благополучно – иначе в том случае и быть не могло, правда, нервы настойчивому следователю потрепали уже мы. И сколько же времени он говорил потом об этом совершенно незначительном событии, какое колоссальное удовольствие доставили ему наши «содержательные» диалоги со следователем, полученная сатисфакция!

Рядом с ним было спокойно, надежно, радостно и главное – всегда интересно...

Он заболел внезапно: сначала бронхит, потом пневмония, однако все оказалось гораздо серьезнее и страшнее. Когда в прошлом декабре узнали о диагнозе, несколько дней пребывали в оцепенении, а перед новогодними праздниками раздался звонок: «Мы с Ириной летим в Турцию». Все те дни меня не отпускала тревога: как перенесет перелет, в каком состоянии вернется? Прилетел довольный – отдохнул и охотно общался с друзьями, а в разговорах со мной был больше обеспокоен незначительным ДТП, в которое я попала, нежели своим состоянием здоровья, – в этом был весь Ромен Аронович. Из поездки он привез свою фотографию и как-то буднично произнес: «Когда умру, пусть будет эта»...

За несколько дней до своего ухода Ромен Аронович беседовал по телефону с женой А.Герасимова, героя одного из его материалов. Говорить ему было уже тяжело, но целых 15 минут, с надрывом – а иначе он не умел говорить – Ромен Аронович призывал ее не сдаваться, верить в то, что справедливость обязательно восторжествует. Он обладал потрясающей жаждой жизни, был готов терпеть любые физические мучения, лишь бы остаться с близкими, теми, кто его любит по-настоящему.

Конечно, были у него и недруги – завистники и злопыхатели, – без них жизнь была бы пресной. Он говорил: «Любят и жалеют сырых и убогих, а сильных и талантливых всегда ненавидят».

В последние месяцы жизни его буквально потрясла судьба профессора Трахтенберга и родилась идея написать о нем книгу. Не успел...

Ромен Аронович прожил прекрасную жизнь, событий в ней хватило бы на несколько жизней. Повидал мир, был счастлив, любил и был любим, был всегда востребован и реализован, оставил замечательные книги. Господь послал ему талант, необыкновенную щедрость души, искренних друзей, прекрасную семью, где царили нежность и трепетная забота друг о друге, гордость за главных людей в этой жизни – детей и внуков. Он жил под девизом: «Нет большего удовольствия, чем доставлять удовольствие другим». Разве не о такой жизни мечтал бы каждый из нас?

Марина РУСАКОВА,
адвокат АП Московской области